

Восемнадцать писем Александра Довженко — редкий образец эпистолярной любовной лирики и интереснейшее свидетельство его внутренней жизни. Они были написаны более 60 лет назад, и сегодня могут быть открыты читателю именно как своеобразный художественный документ.

О Довженко-художнике огромного родного дарования можно много узнать из его фильмов, прозы, рисунков, дневников, из монографий и теоретических исследований о нем. О Довженко — человеке, самобытном, живущем в своем поэтическом мире, мы знаем, увы, не слишком много. И вдруг из небытия приходят эти письма.

Лишь одно из них, первое, датировано — декабрь 1929 года, Александр Петровичу 33. Потомственный крестьянин, городской житель и человек искусства в первом поколении. На глецах груз пережитого: зачарованное детство в крестьянской семье, на земле, учеба в Глуховской учительской семинарии, Коммерческом институте; годы учителя, дипломатической службы в Польше и Германии; занятия живописью в Киеве, Берлине, Мюнхене; работа комиссаром театра Шевченко, упоминание о службе в селах Киевщины, неостывшей еще от гражданской войны, в газете «Киевский труд». Подполье, условный арест, служба добровольцем в дивизии Шорса.

Творчество и социальная деятельность, поэтика и искусство, кровь и красота так плотно соединились в этом драматическом опыте жизни, что пружина Океанскую киностудию в 30 лет, и первые три сиромых фильма — как раз перед взлетом, которым ста-

ла «Звенигора», открывшая подлинного Довженко киномиру. А в письмах он пишет сначала о замысле, а затем о натуральных эскизах «Арсенала». Пишет о нем, как о живом существе, ребенке, человеке.

Он уже знаменит и на Украине, и в Москве, но почитаем, и очень одинок. Письма буквально переполняют это чувство одиночества и конфликта с миром и с собой.

Достаточно взглянуть на рисунок Довженко, приложенный им к одному из писем, чтобы понять его состояние, мироощущение. Многоликость, многогранность, напряженное единство разъяренных плоскостей с острыми гранями. Рисунок, по словам самого Довженко, «не в зеркало, а в душу».

Временами эта мажора души перерастает в физическое недомогание. Оно порождает то печаль и горечь, то мощный взрыв сатирической злобы (как в письме о кинематографическом диспуте), то бессильную ярость (когда он пишет о нехватке и чужбинном от кино, «хозяева ВУФКУ, Всеукраинского фоткиноуправления»).

В письмах нет быта, мало картин реальной жизни. Только подробности жизни внутренней, стремительно меняющегося настроения. Это письма-исповеди о любви, о себе, о мире. Письма-исповеди. Письма-заявления, в которых он всматривается в самого себя.

Письма удивительно «малолюдны». Вот упоминание о сестре Полине, которая была врачом. Трагические страницы о первой жене Варе, Варваре Крыловой, учительнице из Житомира, где Довженко учительствовал в 20 лет,

жертвенно порвавшая с ним отношения, когда болезнь приковала к постели, «отсутствующая» его. Нина Юра, называющая себя соратницей Довженко. Может быть, Юртин, Тютюнин?

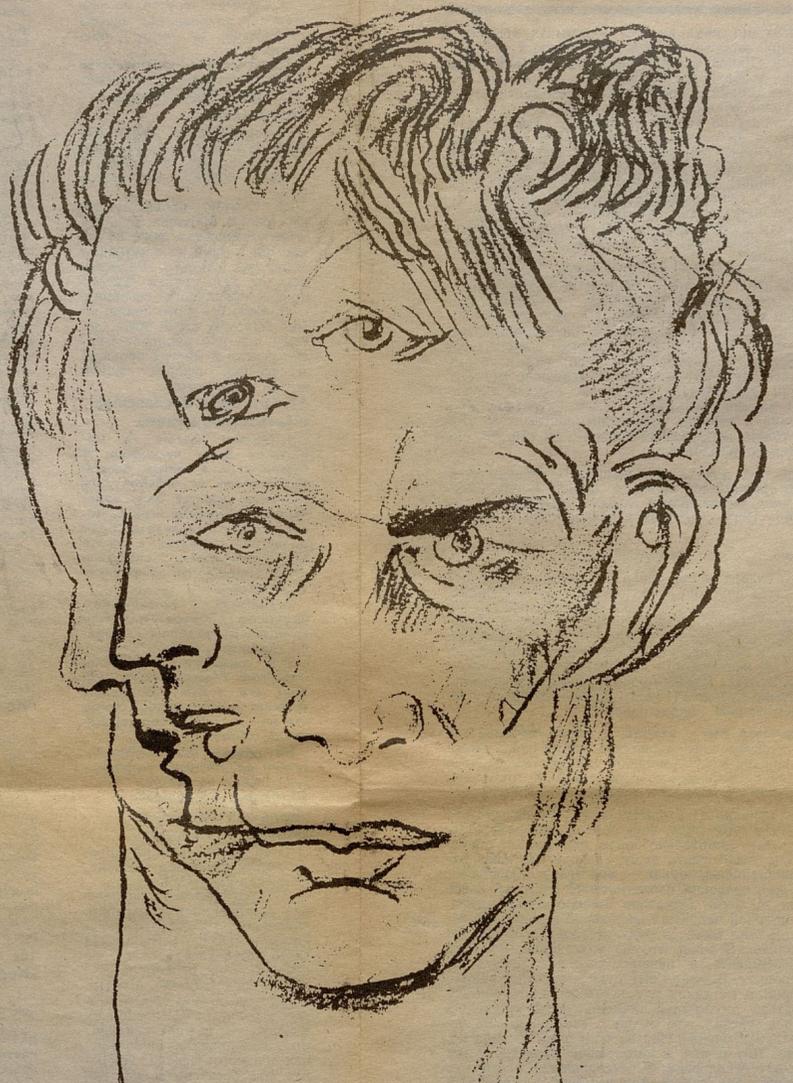
Одиночество, злость, бессонница, доминирующие состояния, когда он пишет о себе. И еще — нежность, торжественность, страстность, доверчивость, когда пишет о Ней, обращается к Ней.

У человека, родившегося в поле, под ирришей небом, любовное чувство так близко природе, зрелища природы, поэтична. «Ваш запах и запах брошенной стирки. И это постоянное обращение — «Солнышко». И эти слова: «Чувства прилетели как птицы».

Поздней, чувством красоты, единой в духовном и физическом измерениях, точно яблоко соном, пропитана каждая строка. И что-то детски наивное, языческое — в долгих беседах с Её фотографией. А может быть, в этом пристрастие живописца и портрету и кинорежиссера и «позанадоровому содержанию» лица.

Такую любовь не назовешь платонической, ведь она не лишена чувственности. Но то духовное единение, слияние, вопреки состоянию, которое как реальность ощущают и Он, и Она, возвышают эту любовь над чувством обидным, как у всех. Наверное, так любить могут только поэты.

Читатель, не забывай эти страницы и точно слышишь голос Сашко Довженко, о котором Виктор Шкловский писал: «Высокий голос, голос изговора и восторга, голос любви».

Ирина ГРАЩЕНКОВА.

Письмо первое

Сегодня я кажется снова лягу спать с Вашей карточкой в руках. Моя маленькая, хорошая девочка, простите мне мою нежность.

Где Вы, Олеся, Олеся? Поправилась ли Ваша нога? Я всю дорогу думал о ней, хотелось ее согреть, приласнять. Ах, Олеся-Леля, кажется, я не то пишу. Мне хочется носить Вас на руках у груди, только не так, как там, а долго, долго.

А я смотрю на Ваши карточки, изучаю подолгу, с напряжением каждый оттенок выражения, радаясь позакрадровое выражение Вашего лица. Смотрю и говорю в голос: «Олеся, Леля, милый мой мальчик...» И голос мой в одиночной комнате кажется таким странным и далеким, как в детстве.

Хотелось мне жалеть о том, что так мало мы друг друга знали. Или не жалеть? Ведь я больше чувствую Вас, чем знаю, и это дает мне возможность писать Вам все, что думаю и чем Я ЖИВУ. Мне помогает моя любимая карточка. Вы с глазами широко открытыми.

Леля, я целую Ваши руки и говорю Вам на карточке: «Знаешь, Олеся, почему я могу смотреть на тебя часами?» Потому что ты похожа на мою совесть. Ты ждешь меня и хочешь спросить о чем-то очень важном.

Я прекрасно знаю, понимаю каждый изгиб пера на оборотной стороне карточки, но поворачиваю и читаю еще раз это страшное слово. Ах, милая родная моя девочка, если б Вы знали, как хорошо я знаю это слово. Смотрю на блики в глазах и говорю, говорю громко: «Олеся, улыбайся мне, Олеся!» Не улыбайся. Слово на оборотной стороне лежит, как печать. Когда ждешь, не улыбаются. Верно, Олеся.

Я буду всегда с Вами очень нежным. Мы с Вами никогда не говорили об этом. Я не знаю, может быть, Вам это совершенно чуждо и не нужно. Но я не стыжусь писать Вам об этом. Нужно Вам это, Олеся, родная. Я посмотрел еще раз на карточку — нужно. Я найду к Вам дорогу.

В вагоне я был счастлив два раза. Спасибо, мое правдивое солнышко. Родная моя девочка, руки Ваши целую долго, долго.

САШКО.

Письмо второе

«Леля, какая ты? Леля, скажи мне, моя правдивая. У тебя такие красивые глаза. Скажи, нужен ли я тебе такой? Прости, что спрашиваю тебя об этом, ведь мы прямо ни слова об этом не сказали. Стеснялся, может быть. А тебя я знаю как человека, который пережил горькое разочарование от всего этого. И вот спрашиваю...»

Иногда я смотрю Тебе в глаза и хочу улыбнуться. Не могу улыбнуться. Ты слишком серьезно, слишком упорно смотришь на меня. Ты спрашиваешь, Ты ждешь ответа. Какого, Олеся, о чем?

А ветер под окном — молчи! А ветер в отповедь — потом!

Душно мне, душно. Губы высохли как рабы. Знаешь Ты, где межи для души? Я знаю. Их нет. И я молчу. Пою.

И никогда Тебя не забуду.

Неизвестный Тебе человек.

Олеся, мое маленькое солнышко. Вы не засмеетесь ни над одним моим словом.

Письмо третье

Здравствуйте, солнышко!

Собственно говоря, я должен написать — «Спокойной ночи, Олеся». Я сейчас ложусь спать и погашу лампу. Мне хорошо сегодня. Сейчас два часа ночи. Ушли помощники мои и сестра. Мне хорошо. Сегодня в первый раз по приезде из Киева у меня, как я выражаюсь, горел мозг.

Привык думать о Вас, Олеся. Мой странный, вечерний, тайный друг. Целую Ваши милые пальчики без котейки. Это первые руки в жизни, которые я люблю. Нежно обнимаю Вас и целую Ваше сердце. Очень странно, почему я ни разу не обнял Вас в Москве. Олеся, неужели я Вас не обнял ни разу? Олеся, мальчик мой чудный, слушай!

Совершенно странно у меня началось жизнь. Все далеко, все в будущем — АРСЕНАЛ, ВЫ. Ждать. Да, ждать и надеяться. Огромные, вечные слова.

Это слово, написанное Вами, заставило впервые посмотреть на Вас остановившимся сердцем. Простите мне мою открытость. Я не пишу, я беседую с Вами. Свою жизнь делю на работу и Вас. Никому

Письмо четвертое

Когда Вы смотрите, это еще не значит, что Вы видите.

Когда Вы хлопцы, думайте! Если искушают тебя чернилами твои, разбавь их слезой и выпей!

Сценарий — 2000 р. Один кадр — 2000: 500 = 4 р. Написав 10, не думай, что заработаю 40 карбованцев! Краше одрубай соби руку!

Жаль, что матери многих сценаристов не сделали своевременно аборт!

Майте сором!

Чи е порх у пороховниках? Кажі е!

Даже великому шепелявому не по дорози з Великим Німці!

Великий Немой развращает слепых: они воображают себя зрячими.

Думайте! Улыбайтесь! Не забывайте улыбаться! Олеся, вот видите какие штучки. Это все лозунги. Они у меня в номере развешаны по всем стенам как плакаты. А на дверях с внешней стороны я вывесил плакат такой:

Стучать два раза. Если я не отзываюсь, значит я — а) работаю б) думаю в) отсутствую г) сплю д) умер е) отдыхаю.

Олеся, моя маленькая. Вы думаете не помогает? Не помогает. Лезут ко мне всякие люди. Из голов у них идет пар тяжелых мыслей. У них заплетаются языки. И оучи их неудачных хождений сохнут у меня над столом и над кроватью. Вот для чего у меня последний и самый большой лозунг над столом: улыбайтесь! Это единственное спасение, Олесечка. Водки я не лью совсем. А вот курю, брат, много, так много, что просто страшно делается, я уж не говорю, что противно. А курю и никак бросить не могу. Нечем заменить, детка. И некому сдерживать.

Вчера писалось плохо. Стал я тогда пришивать пуговицы к пальто, и прочие вещи. Много накопилось. Принирав, пришивав, а потом мне стало грустно. Даже нарочно не мог улыбнуться. Я вспомнил, что Вы тоже иногда шьете, и все-таки не мог улыбнуться. Нет, кажется, улыбнулся.

Я посмотрел на твою карточку. И так остался сидеть с ней целый вечер. А работай, надо много, много. Мне кажется, родная, что если б я не умер, у меня бы хватило планов на тысячу лет. Недавно ночью я выдумал совершенно новый сценарий со всеми

Письмо пятое

Алло, Олеся!

Семь с половиной часов вечера. Сижу я в театре на Кинематографическом диспуте, где вся так называемая киевская общественность. На большой сцене сидит президиум. Его члены нагнулись над красивым столом, и нахмурились, глубокомысленно чертят крестики и другие безграмотные фигурки, вьезжающиеся в их уставший мозг. Словом, все как полагается. Публика кашляет и подаетлет взвоту беспрерывным ерзаньем на бесплатных стульях.

За кафедрой оратор. Он очень маленького роста и потому его совершенно не видно из-за кафедры. Поэтому мне кажется, что я слушаю хрипение дешевого оратора на тему о пользе кино для домашних животных.

Мне не скучно, Олеся. Я вообразил, что Вы сидите тихонько рядом со мной. Я разговариваю с Вами и нам очень смешно. А, милый мой мальчик, мне кажется, что я ощущаю на щеке прикосновение Ваших волос. Леля моя! Что это, Вы не видите? Я рассказку Вам.

Восьмой оратор... Он ничего не говорит. Он встал на голову и балансирует в воздухе ногами, вызывая радостный смех у публики. «Просим, просим! Болтайте еще». Ушел.

Девятый оратор вышел с тупым ножом. Разрезав

Письмо шестое

Леля, милая.

Сейчас два часа ночи. Я только что пришел из гостей от своего приятеля, одного приятного поверенного, и хотел бы лечь спать. Но перед сном мне захотелось пожелать Тебе — прости, родная — Вашим карточкам «Спокойной ночи!». Я поговорил немножко с Вами. Я говорил им простые слова. Совершенно простые, давно забытые. Простите, Леля, что я называю Вас на Ты, пугаю. Но это же только для себя, Олеся, солнышко.

Я познакомился с ними и решил перед сном Вам написать. Спасибо за письмо и телеграмму. Мне кажется, что я уже выдурляю. Лишь слабость и немного сумасшедшинка в голове. Ночей боюсь. Да в ухах звенит.

Милая, родная моя девочка, спасибо Вам за то, что я встретился с Вами. Что могу Вам писать, беседовать с Вами. Иногда мне бывает страшно, — а вдруг я выдумал Вас. Господи, сколько химер, сколько безумных планов, желаний, нелепых ошибок, нелепых подходов, непрактичных выводов, бед разбросано позади в жизни, сколько бессонных ночей и невероятных построек. Кто я? Прозрачный человек со светящимся мозгом? Мудрец или мальчик? Может, я выдумал Вас! Простите мне, Леля, Вы все скоро поймете. А я посмотрю на Вас в глаза, в эти точки на карточке, и ничего во мне, кроме тихой радости и нежности к Вам, не останется.

Моя милая, умная девочка. Мне кажется, что я все время ношу Вас на руках. Один только раз я посадил Вас на кровать, а сам съел вино и обнял Ваши ноги. Они были теплые и стройные как песня. Я поцеловал только один раз крошечную дырочку на правом чулке на коленке, и стало немного лучше. Я не знаю почему. Ваш запах смешался с запахом брошенной стелы. Захотелось быстрой езды. Захотелось мне целовать конский шавель, или степной чабрец. Вы не знаете этого, Леля. Вы ни разу не искали путь по созвездиям. Привет Вашим милиционерам и автобусам.

А Бал спокойной ночи. Пусть Вам приснится радостный, счастливый сон. Вставайте завтра бодрой и здоровой. Мои первые мысли утром: «Доброе утро, родная». Я не выдумал Вас.

САШКО.

Письмо седьмое

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Олеся, я уже смеюсь. Мой рот как гармошка беспрерывно растягивается до ушей и заполняет комнату ликующими звуками. Для аккомпанемента я грохочу стульями, посудой. Раз даже прыгнул на окно и обратно.

Чуть ли не впервые пишу письмо днем. Вы читаете все это и думаете, конечно, Сашко пребывает в горячечном бреду. Вам делается жаль меня, или нет? Вы думаете с подозрением — не задумал ли Сашко какую-нибудь гадость. Ныл, плакался, скулил в вдрт — на тебе!

Нет, Олеся, все очень просто. Сегодня я проснулся утром часов в десять и впервые за какие-нибудь двадцать пять дней почувствовал себя здоровым. Провалился я на этом месте, если вру, или ошибаюсь! Сегодня я начинаю... Что? Писать сценарий. Какой? «АРСЕНАЛ». Леля, до сего дня я не написал ни одной строчки. Вы представляете, что я переживал и ощущал. Сегодня, солнышко мое лохматое, я начал писать. Завтра будет готова первая часть, послезавтра — вторая и... Вот что будет, если, конечно, меня вечером снова не повалит. Ну, тогда беру свои слова назад. Нет, не может быть. Правда, Олеся, правда!

Принесли мне Вашу телеграмму. Леля, милая, доброго утра! Кричу Вам в Москву. Олеся, очень странная у меня комната. Когда я кричу, в комнате страшно резонируют трубы для отопления. Это мне очень нравится. Мыльте трубы, и очень я вас люблю.

Сегодня я побудь в городе и куплю много апельсин, яблок, красных, желтых, лимон и несколько бутылок красных с вином. Хочется купить еще несколько цветных тряпок. Пусть все это будет в комнате.

На двери повешу записку: «Если я не отвечаю на стук, значит я а) работаю, б) думаю, в) сплю, д) умер, е) отдыхаю, Е) пишу Олеся».

Олеся, пишите мне. Я хочу Вас видеть. Мы где-то близко друг возле друга. Правда? Не грустите, Олеся. Держитесь! Держитесь! малышка, у нас еще многое впереди.

Поднимаю Вас на руки. И целую хорошо, хорошо. Вот так.

САШКО.

«ЧУВСТВА ПРИЛЕТЕЛИ КАК ПТИЦЫ»

Письмо четвертое

в) отсутствую г) сплю д) умер е) отдыхаю.

Олеся, моя маленькая. Вы думаете не помогает? Не помогает. Лезут ко мне всякие люди. Из голов у них идет пар тяжелых мыслей. У них заплетаются языки. И оучи их неудачных хождений сохнут у меня над столом и над кроватью. Вот для чего у меня последний и самый большой лозунг над столом: улыбайтесь! Это единственное спасение, Олесечка. Водки я не лью совсем. А вот курю, брат, много, так много, что просто страшно делается, я уж не говорю, что противно. А курю и никак бросить не могу. Нечем заменить, детка. И некому сдерживать.

Вчера писалось плохо. Стал я тогда пришивать пуговицы к пальто, и прочие вещи. Много накопилось. Принирав, пришивав, а потом мне стало грустно. Даже нарочно не мог улыбнуться. Я вспомнил, что Вы тоже иногда шьете, и все-таки не мог улыбнуться. Нет, кажется, улыбнулся.

Я посмотрел на твою карточку. И так остался сидеть с ней целый вечер. А работай, надо много, много. Мне кажется, родная, что если б я не умер, у меня бы хватило планов на тысячу лет. Недавно ночью я выдумал совершенно новый сценарий со всеми

Экран и мечта

Робинсон Д. 6.01.94

Письмо восьмое

Как жаль, что я не с Вами сейчас, Олеся. Кажется, никогда я не был так близок Вам, как сейчас. Вот почему мне трудно писать, я знаю, что не напишу и малой доли того, что нужно. И пишу сейчас только для того, чтобы сказать: «Как жаль, Олеся, что я не с Вами». А вот сейчас мне кажется, что я не прав. Скажите мне, что реально, что нет. Ах, Олеся, когда мы пишем друг другу, не является ли то человеческое, что заставляет нас писать и видеть друг друга за сотни верст, наибольшей реальностью. То, что мы уничтожаем на какое-то время координату пространства, разве это не факт?

Почему я пишу Вам сейчас? У меня мой друг и его подруга. Я не буду Вам их описывать. Я говорил с ними. Сейчас они на диване, у меня за спиной отдыхают. Мне жаль их. Вот хочется повернуться к ним и говорить ей от его лица и наоборот. Я мог бы произнести им потрясающий диалог, на который у них не хватит ни смелости, ни оригинальности до самой смерти... их отношений. Но молчу. Кажется я сказал им уже, что надо. До него дошло, до нее нет.

Сегодня я писал, Олеся, солнышко мое. Сегодня я целый день был здоровым, очевидно, уже все прошло. Осталась еще боязнь разных стуков и прикосновений. Но целый день было радостное, бодрое настроение. Если б я сейчас был с Вами, то все время шутил бы и смеялся. Вам тоже стало бы хорошо и легко. Вы знаете, Олеся, вообще-то я очень веселый и ласковый.

САШКО.

Письмо девятое

Олеся, родная!

Я не знаю, что бы я отдал, чтобы быть сейчас

Александр ДОВЖЕНКО:

«ЧУВСТВА ПРИЛЕТЕЛИ КАК ПТИЦЫ»

возле Вас. Когда я представляю Вас сейчас, после пережитых тяжелых испытаний, большую, одинокую, мне делается больно и бесконечно жалко Вас. Олеся, девочка моя маленькая, не обижайтесь на меня за это слово «жалко». Оно не обидное на моем языке и несколько не умаляет ни силы Вашей личности, ни моего к Вам отношения. Я жалею Вас потому, что глубоко Вам сочувствую и что сам так хорошо понимаю это все. Как никто. Я пережил и испытал ведь все это. Ведь не приехал до сих пор к Вам я потому, что с того времени, как мы расстались, и по сей день из каждых трех дней я болею два. Мне только неудобно было написать Вам об этом. Кроме того, даже когда я лежу в своей давно одинокой комнате, я почти никогда не бываю похож на больного. Даже наоборот, я пополнел, у меня окрепли мускулы. Но верхняя часть тела у меня как будто отравлена какими-то ядовитыми парами. А голова болит так жестоко, что сегодня ночью я плакал.

Это не было малодушием — мне вдруг стало жалко себя. Может быть, этому способствовало еще и то, что этой ночью не было электричества, и я пролежал в темноте многие часы, причем по комнате бегало много больших крыс. Дело дошло до того, что я встал и положил на пол свои булки и ветчину, чтобы они кушали и не бегали. Но и это не помогло. Они подлые похватили куски и потащили в свои щели. Причем булка застряла в щели и они с полчаса не могли ее туда втащить. Тогда я встал снова и изучивши положение дел, разломил булку на части и позапихал в щель вместе с ветчиной. Расчет оказался безукоризненным: я больше часа прислушивался к ним, выглядываясь в темноту, но крысы уже не вылезали. А голова болела и было мне жарко, вот я и завыл в подушку. Написал я мало, всего три части. И это тоже меня мучит ужасно. Куда же девалась моя бешеная работоспособность? Вот статью еще напишу, брошюру на 60 тысяч знаков... Зубы скрипят — ведь скоро снег растает, что буду делать? Как погоню свою шестерку лошадей? В Нарым что ль ехать.

Солнышко мое, Олеся, меня удивляет, что Вы не получали моих писем четыре с половиной дня. Я Вам пишу почти каждый день. Иногда два раза. Причем был только один случай, когда не писал Вам два-три дня. Спал все время. Мне кажется, я послал Вам около восемнадцати писем.

Кто с Вами, Олеся? Что с Вами? Что болит? Кто же Вам помогает, кто поддерживает Вас. Почему это не я? Кричу! Олеся, почему меня нет! Ушел Ваш бывший м. Ушел потому что не хотели Вы его больше. Закончена большая страница жизни. Потому и тяжело. Но это определено и конкретно. У меня хуже. Я Вам рассказывал, кажется, Эх, Олеся, много видел и много отчаянных вещей знаю. И ко многому привык уже относиться философски. Иногда и мне бывает, правда, страшно. Так же как и Вы сижу и кажется, что сижу не один, а вдвоем сам с собой и спрашиваю: «Кто ты? Страшно сильный человек с железной выдержкой и неистощимым запасом воли к жизни? Или у тебя угасли и умерли важнейшие эмоции? И ты как отломанная ветка? Обманываешь себя и всех, что на тебе еще есть листья и плоды?»

Вот, Олеся, жизнь-то, выходит, сложнее, чем нам бы хотелось. А все-таки, как бы жестока порой и сложна она ни была, а в конечном итоге будет она такой, как мы хотим. И будем мы, родная моя, еще много улыбаться и радоваться. И будем еще много и хорошо работать. Еще немного времени и немного труд-

Олеся!

Те два листа я писал до получения Вашего письма, а этот третий, получив его. Перечитал несколько раз.

В этом письме Вы, может быть, сами этого не замечая, отдалились от меня. И все-таки я не жалею, что был с Вами откровенен. Таким я с Вами и останусь. Потому что нет больше человека, с которым я мог бы быть таким. Только Вы. Почему? С каких пор? Не знаю. Во всяком случае не потому, что скучно жить без костра. Зачем Вы меня ограничили, Олеся, зачем? Ведь я ничего от Вас не требовал и не просил никаких обещаний. Вспомните каждую мою строчку. К чему Вас обязывает то, что каждая мысль о Вас — это мой праздник.

Как я пошло теперь Вам вот эти написанные два листа? Чтобы они «разгуливали» по душе... Нет, у меня-то они не разгуливали и ни у кого не взяты. Они родились незаметно. Они прилетели как птицы. Откуда прилетают птицы?

«Вы любите птиц, Олеся?». Это я спрашиваю у карточек. Они молчат. Они сегодня не могут мне всего сказать. Нет, одна может. Та, последняя, с порванной блузой.

Чего мне так жаль? Мне жаль, что, кажется, в единственное окошко начинает заглядывать тень будней.

Мысли мои, мои радости. Как же мне собрать Вас теперь? Что Вы сделали? Зачем разгуливали так просто в душе девушки, называющей себя Лелей? Почему не ходили по душе на цыпочках, затаив дыхание? Почему не запели? Молчите. Стыдно мне. Страшная вещь стыд. Как режиссер какой-нибудь... Нет! Нет! Я здоров. Темноты не боюсь, подушки не кушаю. Нервы в порядке. В Москве не был уставшим. Грудь у меня не болит. А если порой ей нечем дышать — мне до этого нет дела. Жаловаться больше не буду никому. Ах, я, мальчик с поседевшими висками!

«Никчемность жизни», «убийственное настроение»,

пишете. Неверно! Подождите, я до Вас еще доберусь и покажу Вам настроение. Ух, кошка бешеная. Злюка двуногая!

Олеся, Солнышко, а кто играет вальс Сашко! Олеся, все понимаю, все, все. Целую так нежно Ваши руки, как никто, никогда.

Про «Арсенал» не беспокойтесь. Шея у меня крепкая. А портрет Вы вырезали, чтобы муж не сличил. Правда.

САШКО.

Письмо одиннадцатое

Слушайте, малышка!

Сегодня я пил чай у доктора по внутренним болезням. Когда мы уходили с сестрой, она тоже всплакнула, хотя она тоже доктор. Мне стало жаль ее. Она так хотела мне угодить. Я сказал ей: «Сестра, в Москве есть одна девушка, которая за одну слезу могла бы тебя возненавидеть и меня — за одно покалывание в спине. Она не любит ни больных, ни здоровых. Я люблю только здоровых. Смори, как я быстро иду. Кроме того, она умеет играть на рояле. Я никогда не слышал ее игры, но готов поставить на нее месячную зарплату. Вот как она играет. По-видимому, у ее рояля мог бы прекрасно писаться АРСЕНАЛ».

Вот мы и пришли. Прощай, Паша. Кстати, не забудь, что у нее суровые брови и она краснеет от скрытой радости, получив мои письма. Кто-нибудь мог бы ее полюбить уже за одно это. Как ты думаешь? Знаешь, сестра, еще вчера я мог бы ей написать об этом. Вот почему иногда у доктора можно пить только чай, кстати, он твой приятель.

«Ах, Саша, ведь он обиделся, ты ведь, выходит, дал ему пять рублей за чай». Ничего родная, когда-нибудь Вы с ним сможете тайком от меня и, главное, от нее делать со мной, что угодно. Негодяй расквитается со мной, я это чувствую.

Вот, Олеся, наконец-таки я нашел форму письма, которое не будет «разгуливать». Вы говорите, что Вы злая, нехорошая девочка? Ну так получайте же. Жуткая Вы бешеная кошка. Вы теперь в моих руках. Ни одного ласкового слова Вы больше от меня не услышите. Я знаю, в душе Вы думали, что я Вас забыл. Вы ошибаетесь. Разве любимых девушек называют кошками? Бешеными? Никогда не называют. Будьте любезны, играйте, что Вам угодно.

Я могу пойти в самый дешевый трактор и там слушать «Яблочко» или «Подыхающий лебедь». Черта, дьявола я под них буду писать сценарий.

«Я коммунистская партия», как говорит один из моих героев. Правильно говорит товарищ. Я заведу вшей, поселюсь в отвратительной конуре. Вот что я сделаю. Пусть попробует тогда какая-нибудь девушка войти ко мне. Хотел бы я видеть, как ее будет тошнить от одной мысли и желания приласкать мою бывшую седую голову. Ха! Послушала б она тогда мои рассказы. Очевидно, у нее глаза от злости стали б зелеными.

Кто Вам сказал, что я чуткий до болезненности человек. Какой же я чуткий, когда душа моя тянется, как ошалелая, к бесконечно злой и скрытной, никого не любившей девушке? Скажите Вам, Олеся, девочка моя родная, сказать? Олеся, Олеся, маленькая моя. Моя дорогая гордая, не злая, а обиженная, чудная девушка. Если б Вы знали, как я соскучился и как мне хочется Вас видеть, Олеся, милая.

САШКО.

Публикация И. Н. ГРАЩЕНКОВОЙ.

(Окончание в следующем номере).

САШКО.